

Н. М. Раковская

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА В КРИТИКЕ АП. ГРИГОРЬЕВА

Литературная критика Ап. Григорьева складывалась под воздействием философских и эстетических поисков славянофилов. Вместе с тем ощутимо влияние романтической философской мысли, в частности, Шеллинга. В связи с этим, существенное место в своей концепции искусства Ап. Григорьев отводит идеи, понимаемой как материально-телесно-вещественная явленность. Эту материальную вещественность нельзя осознавать как традиционные логические категории. Свою эстетику Ап. Григорьев называет "чувственной", ибо духовное реализуется здесь как живая материальность. "Все идеальное есть не что иное, как аромат и цвет реального" [1, т. 2, с. 81]. Идеальное представляется не только как телесно-вещественное, ощутимое, видимое, но даже как обоняемое.

Для критика важным является рассмотрение искусства как "органического продукта жизни". Он убежден в тождестве органических форм жизни и форм эстетических. "Органический" взгляд, по концепции критика, признает за свою исходную точку творческие, непосредственные, природные жизненные силы [1, т. 2, с. 143]. Рационалистичность, аналитичность критиком не принимается. С его точки зрения творчество начинается с благоговейной художественной религиозности, т. е. с уважения к жизни и смирения перед нею. Творчество представляет "синтетическое, цельное, непосредственное, интуитивное разумение жизни" [1, т. 2, с. 114]. Естественно, что при таком понимании искусства, художественные произведения с точки зрения критика "идут от образов, не от идей" [1, т. 2, с. 6], и всякая истинно-художественная деятельность оказывается в разрезе с теориями, каковы бы они ни были [1, т. 2, с. 42].

На взгляды Григорьева-критика безусловно оказывало влияние его поэтическое творчество. Для теоретика и поэта в органическом мире нет ничего мертвого. Все тела, все вещи

и предметы наделены, по мнению критика, психичностью. В синкетизме духа и материи, в диффузной сцепленности тела и психики им видится удивительный феномен жизни как нераздельной целостности. "Я ничего не искал и не ищу, — писал он, — как указать на тождество законов органического творчества в явлениях мира психического (духовного) и соматического (материального) [1, т. 2, с. 81]. Думается, что такое восприятие мира можно назвать мифологическим. Метод Григорьева, в таком случае, является мифотворческим [3]. По Ап. Григорьеву, литературное произведение — это всегда и непременно живое произведение, стройный и живой мир. О художественной деятельности можно говорить лишь в том случае, если эта деятельность ощущима физически, если она не идеальна, но вещественна и предметна. Все, что не находит своего форменного, телесного воплощения, оказывается иллюзией.

Ап. Григорьев размышляет о том, что если жизнь и ее формы есть нечто органическое, природное, чувственное, вещественное, а искусство — продукт жизни, то и оно есть такая же чувственность, такое же тело, вещь или предмет. Научное и поэтическое сливаются в размышлениях критика. Очевиден синкетизм Григорьева.

Мифотворчество, заставляющее "органическую критику" одушевлять художественный образ и отождествлять его с жизненной материальной предметностью, вызывалось весьма своеобразным стилем мышления, который так характерен для творческой индивидуальности Григорьева. Стиль этот является причиной противоречий критика, которые часто принимаются за "несообразности". Существенной особенностью всего мифотворческого стиля мышления Григорьева, базирующегося на методологическом принципе "все — во всем", следует признать текучесть тех категорий, которыми оперирует критик. Справедлива мысль исследователя В. Ракова о том, что представить и понять содержание рассуждений критика можно только уловив постоянно присутствующий в них момент перехода, перелива и текучести категорий [5, с. 90]. Ап. Григорьев часто нагромождает категории бытия на понятия об искусстве, в связи с чем жизнь и произведения искусства предстают как некое характерологическое целое. Осмысливая размышления критика, трудно определить, где жизнь, где произведение, где эстетическое воплощение. Это еще раз подтверждает мысль о мифологическом истолковании искусства

как нераздельной целостности. Принцип “все во всем” лежит в основе мифологической логики критика и определяет его стиль. Многие сущностные понятия и категории, такие как действительность — жизнь, искусство, художественный образ не имеют четких определений и границ. Стиль Григорьева можно назвать сущностно-текущим или понятийно-диффузным. “Текуче-сущностный стиль заключается в постоянном перекрытии одного понятия другим или одним образом, или символа, другими образами или символами. Это ни в коем случае нельзя считать ни каким-нибудь недостатком писательской манеры, ни какой-нибудь путаницей. Это есть только результат того, что всякая сущность у него берется не только сама по себе, но почти всегда еще и в своем совпадении с явлением, то есть с проявлением сущности” [2, с. 107].

Вместе с тем Ап. Григорьев иногда отходит от понятийно-диффузного стиля. Так, у него есть рассуждения о том, что “не все реальное есть идеальное, и в этом-то суть различия форм художественного отражения от пантеистической, одухотворяющей действительности [1, т. 2, с. 202]. Ап. Григорьев размышляет и о том, что “нельзя смотреть на искусство как на нечто жизни подчиненное, даггеротипно-бессмысленное [1, т. 2, с. 334]. В определенной степени Григорьев признает условность искусства. У истинного художника, пишет Григорьев, образы “рельефны, но не до такой степени, чтобы прыгать из рам; за ними есть еще что-то, что зовет нас к бесконечному, что их самих связывает незримою связью с бесконечным” [1, т. 2, с. 12]. Идеальное в таком случае выступает как нечто большее, чем его образная форма, т. е. речь идет об одном из семантических свойств искусства.

Очевидным отказом Григорьева от привычных для него принципов мышления можно считать и “почастное”, раздельно-морфологическое восприятие проблемы творческой индивидуальности писателя. Так, в статье “О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене” критик пишет, что оригинальность художественного облика драматурга складывается из: 1) новаторского содержания его произведений; 2) “новости отношения автора к изображаемому им быт и выводимым лицам”; 3) новаторства “манеры изображения” и 4) своеобразия языка “в его цветистости, особенности” [1, т. 2, 114]. Все это как раз те морфологические элементы худо-

жественных произведений, изучением которых занимается поэтика.

Ведущим тезисом его статей было положение о том, что “художник всегда выражает в творении внутреннее бытие свое” [189]. Бессспорно, эта теоретическая посылка противоречила “смиренческому” пафосу “органической критики”, стремившейся растворить индивидуальность художника в телесной предметности бытия. Подобных отступлений от теоретических канонов у Григорьева много. И если даже он и не занимается специальным изучением морфологических аспектов искусства, то его научная память отлично знает такую эстетическую категорию, как мера [1, т. 2, с. 178]; не теряет из виду классификацию искусств, произведенную в свое время Лессингом [1, т. 2, 138]; оперирует понятием о родовых и жанровых образованиях (суждения критика об эпосе, лирике, трагедии, комедии и проч.) [1, т. 2, 201]. Тут же найдем и вполне смелые для Григорьева высказывания об исторической динамике художественных форм, их изменчивом и прихотливом переосмысливании в различные эпохи. Интересна мысль о том, что критик “должен идти таким путем..., что обязан помнить, как технические требования, требования вкуса в разные эпохи изменялись, как многое, что современники считали у великих мастеров ошибками, потомки признали за достоинство, и наоборот” [1, т. 2, 205].

Таким образом, внимание к конструктивной стороне искусства не чуждо “органической критике”. И эта тенденция заявлена Григорьевым вполненятно и выразительно, хотя в различных случаях выявлена она по-разному: в одних — четко, в других сдержанно, а иной раз оказывается и вовсе подавленной совсем другим стилем мышления. При всем этом Григорьев успевает прийти к мысли о необходимости отличать критику искусства и ее задачи от самого искусства. “Одно, — пишет он, — есть отражение идеального, другое — разъяснение отражения” [1, т. 2, 229]. Этот вывод был пределом тех возможностей, которыми обладали дифференцирующие тенденции в мышлении Григорьева. Бессспорно, структурно-морфологические наблюдения не были системными и не имели в “органической критике” программного содержания.

Романтическая интуитивность, стихийность отражались не только в идеях Ап. Григорьева, но и в формах его статей. Принцип построения статей критика характеризуется отсутст-

вием плана, логики. Н. Страхов писал, что “начиная свою статью, он никогда не знал ее конца” [4, с. 28]. Так, например, статья о И. Тургеневе (“И. С. Тургенев и его деятельность” была задумана в двух частях, ибо после второй части было написано “окончassis”, но затем появились еще две части, которые были написаны экспромтом, переходы от одной части к другой неожиданны, части несоразмерны. Ап. Григорьев как бы “забывал о задачах статьи, и размышлял о явлениях, не имеющих отношения к теме. Статья превращалась в “бесконечную беседу или речь”. Такова, например, работа “О комедиях Островского и их значение в литературе и на сцене” (где изложен не имеющий отношения к теме статьи трактат Постышкова). Мысль критика развертывается по концентрическим кругам, с частными повторами, риторическими вопросами. Этими особенностями отличается статья “Горе от ума”. Работа представляет сложную конструкцию, подчас хаотическую, где наличествуют множественные повторения (например, об отношении В. Г. Белинского к произведению “Горе от ума”: нравственная оценка “большого света”, о героизме Чацкого и т. д.).

Особенность метода и стиля Григорьева воплотилось в его лексике. Частыми являются такие эпитеты как “живороденный”, “долотопный”, которые применялись при оценке социальных и эстетических понятий. Оригинальными были сравнения критика. Как известно, сравнения широко использовал В. Белинский, превращая их в развернутые картины целые аллегории. У Ап. Григорьева есть сравнения как традиционные для литературной критики середины XIX в., например, библейские образы или русские поговорки, так и совершенно оригинальные. Например, характеризуя героя романа Писемского “Тюфяк”, Ап. Григорьев пишет: “Человек умный и не бездарный, хоть и медведеватый как Павел Бешметов, человек, которого коснулись, и даже не поверхностно, а основательно наука, искусство, современное развитие идей, живет со своим старым наследственным звериным хвостом, лелеет и холит его, даже нет-нет да обмокнет его, этот драгоценный пушистый хвост, в грязную лужу и мазнет им ближнего по физиономии” [1, т. 2, с. 431].

Иногда сравнения Григорьева занимали несколько страниц текста. Таковыми являются сравнения, связанные с оценкой романа И. Тургенева “Дворянское гнездо” (сравнение романа

с незавершенной картиной). Однако, есть у критика и краткие ироничные сравнения. Так, например, особенности мужских и женских характеров в комедии Грибоедова “Горе от ума” сравниваются с кошачьими и собачьими повадками; фигуры на картинах Фра Беато — с “селедками” и т. д.

Ап. Григорьев склонен к повторяемости сравнений. Есть у него сравнения, которые переходят из статьи в статью. Например, “гомункулус Вагнера”, “змея, кусающая свой хвост”, “Сатурн, пожирающий своих детей” и т. д. Склонен Ап. Григорьев к повторяемости своих суждений, образов, им же созданных. Особенно это связано с рассуждением о соотношении народного и национального (сни полностью переходят из статей о творчестве Островского, созданных в 1855–1860-х годах, в статью “Развитие идеи народности в нашей литературе после смерти Пушкина” (1861). Размышления о критике Гегеля и исторической школе, содержащиеся в статье “Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства” (1858), оказываются затем в статье о Пушкине и т. д. Таким образом, мифологичность метода критика бесспорно оказала влияние на его стиль, статьи критика остаются незавершенными, составленными из разных фрагментов. В их основе интуиция критика, культ “непосредственности”, чувственности восприятия.

Литература

1. Григорьев Ап. Сочинения. — СПб., 1876. — Т. 1-2.
2. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. — М., 1980.
3. Стеблин-Каменский М. И. Миф. — Л., 1976.
4. Страхов Н. Воспоминания об Ап. Григорьеве // Эпоха. — 1864. — Т. 9.
5. Раков В. П. Характеристика “органической критики” Ап. Григорьева // Филологические науки. — 1979. — № 6.